

484963.

6/1
2138 п vsi

РАЙОНСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь“.

РУССКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ.

(ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ).

В. П. СТАНИШЕВСКИЙ.

Как русский мужик
потерял землю и волю.

(Происхождение крепостного права).

Цена 50 коп.

ЦЕНТРАЛЬ.
БІБЛІОТ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Исполнительного Комитета Харьковск. Сов. Раб. Депутатов

„ЦЕНТРОПЕЧАТЬ“.

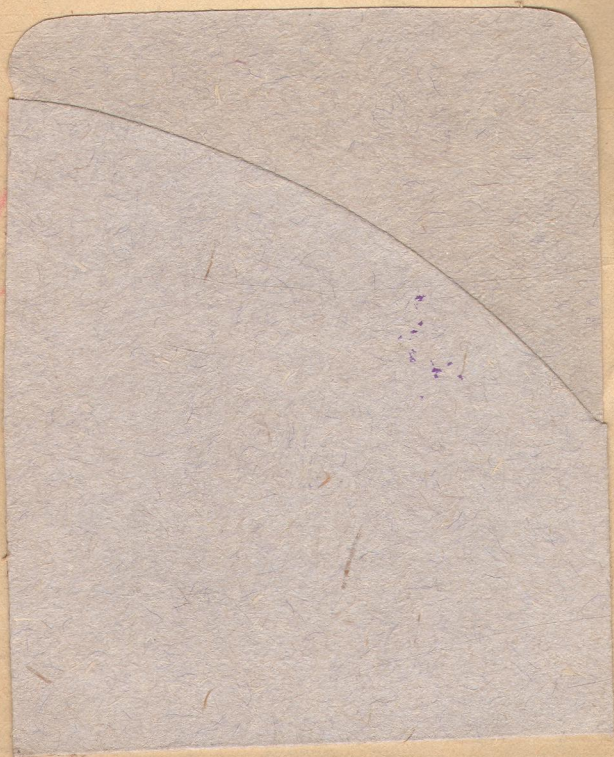
Харьков, 1919.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

18/3
27/38

1961

484963.

I.

На берегах широких многоводных рек Южной России, нынешней Украины, издавна, много больше тысячи лет назад, расселились предки наши славяне среди обширных девственных лесов, о-бок с южною степью. Селились не в одиночку, а обществами, родовыми союзами, „каждо своим родом“, как говорит монах-летописец. Земли было много, много угодий и звериных, и рыбных ловов, никому не принадлежащих. Потому каждое общество захватывало себе столько земля, сколько было нужно, а отдельные дворы, отдельные семьи, входившие в состав общества, опахивали или окашивали себе такой участок, какой были в силах вспахать и засеять... Землю не удобряли, как теперь, да и незачем было удобрять, потому что целина и без того давала хорошие урожаи, а когда через год,—через два урожай уменьшался, участки бросали и занимали другой. Ведь земли было много!

Впрочем, в те времена вряд ли и нужно было много земли для запашки, потому что хлебопашество не составляло единственного занятия населения. Нередко читаешь в древнейших памятниках нашей истории про звероловство и бортничество (лесное пчеловодство), про богатство Руси медом, воском и мехами. И князья с дружиной, и бояре с большим рвением предаются охоте, „ловы звериные деют“, „гонят зверь в лесе“. Дань князю народ платил все теми же мехами, медом и воском. Ясно, что промыслы играли тогда в народном хозяйстве большую роль, чем земледелие, а, стало-быть, не было особой нужды в земле, не было из за нея споров, не возникало даже и представления о том, что земля может быть собственностью хлебопашца. Паши, где хочешь, и сколько хочешь; вернее—сколько сможешь. Конечно, и в таком свободном, *вольном землепользовании* существовал известный порядок, за которым следила община, родовой союз или, как тогда называли,—вервь. Порядок этот выражался главным образом в том, что вервь точно отмежевывала от других подобных ей обществ определенную часть земли. В ее пределах семья или дом, могли свободно по своему произволу пахать и сеять. Что касается лесов, сенокосов и выгонов, то они находились в общем пользовании всей верви.

Однако, рядом с таким вольным хлебопашеством стал появляться и другой порядок пользования землей. Нетрудно понять, что в те времена единственное богатство составляло все добытое на промыслах, шкуры, меха,—и продукты, взращенные землей. Так называемых бла-

58

64

БИБЛИОТЕКА

городных металлов,—серебра, золота, а, следовательно, и денег было очень мало, да и то у князя и его дружины, а у народа и вовсе не было. Собрать богатство мог только тот, кто имел средства обработать много земли. А такая возможность была исключительно у князей и бояр, т. е. у верхов тогдашнего общества. Эти верхи рано поняли, что обладание землей приносит богатство, а потому и старались устроить свои „места и села, ловища и перевесыща“ (т. е. места для ловли зверя и места, где ставят силки для птиц), как эта делала великая княгиня Ольга. Князья, бояре, а затем и монастыри стремятся захватить как можно больше земли, в чем не встречают никаких препятствий, так как ее очень много в любом месте. На землю они сажают своих холопов, людей несвободных, свою челядь, тех кто главным образом, в качестве военнопленного терял свою свободу, становился рабом. Земли, обрабатываемые холопским трудом, естественно, становятся личной собственностью князей и бояр, так как вполне естественна мысль что земля, на которой сидят мои люди, принадлежит только мне.

Так у высших классов тогдашнего общества появилась мысль о собственности на землю, когда народ в целом еще такого представления не имел, продолжая свободно обрабатывать пашню там, где было удобнее.

Свободному землепашцу древней Руси жилось бы привольно, если бы не близкое соседство его жилья со степью. Там, в этих безбрежных просторах Южной России бродили кочевники,—печенеги, половцы,—безпрестанно нападая и разоряя мирное прочно осевшее на местах население славян. Борьба со степными разбойниками оказалась не по силам нашим предкам, и они постепенно переселяются на север, в пределы между реками Окой и Волгой, а затем и еще севернее, до самого Белого моря. Оставляют плодородные привольные места, меняют их на непроходимые лесные дебри, болота и озера.

Сурово встречала новая родина переселенцев. Правда, и здесь много было птиц, зверья, а в реках и озерах—рыбы, но не меньше и непролазных болот, вековых лесных чащ. Надо было валить деревья, выжигать и корчевать пни, чтобы на этих выпаленных и выкорчеванных участках на тощем суглинке сеять хлеб.

На этой второй родине переселенец не создал, конечно, ничего нового для своего хозяйства. По прежнему он занялся прежде всего промыслами: ловлей рыбы, птиц и зверей, а возделывание земли осталось, как и раньше, на втором плане. Но обстоятельства скоро заставили переселенца обратить главное внимание на сельское хозяйство. С одной стороны, в болотистой местности новой родины было сравнительно немного удобной для поселения земли, с другой—переселенческая волна с юга все усиливалась, народу появлялось все больше и больше. Не стало уже места для свободного вольного перехода с участка на участок, нельзя было бросить раз использованную землю с тем, чтобы не возвращаться на нее больше никогда, как это бывало

раньше при вольном землепользовании. Вот почему отдельные семьи все прочней и прочней оседают на занятых ими участках, точно определяя границы своей земли. Вот почему, не оставляя промыслов, как подспорья к хозяйству, они должны заняться теперь, главным образом хлебопашеством.

К этому времени древний родовой союз совсем исчезает, заменяясь союзами сябров, складников или соседей. Сябры—первоначально родственники, владевшие какой-нибудь определенной местностью.

По старинному лес у них—„вопче“ (общий), но поле и усадьба с течением времени переходят в личную частную собственность. Понятно, почему!

Какой-нибудь новый поселенец, явившийся на лесной участок, ставил там прежде всего избу, а затем принимался рубить, корчевать, чтобы изготовить лес под пашню. С этим обработанным участком он связывался на всю жизнь, потому что, как было сказано, в виду увеличивающегося населения стало уже невозможно бесконечно кочевать с места на место; необходимость заставляла оставаться на облюбованном клочке земли, обрабатывая его *переложным* способом.

Перелогом или залежью называется уже обработанная, распаханная когда-то земля, заброшенная потом на неопределенное время. За это время она отдыхает, набирается сил и снова становится годной для посева. Для переложного способа земледелия приходится вырубить и выкорчевать сравнительно большой участок леса, приложить много усилий и трудов. И нет ничего удивительного, что человек, потративший столько сил, столько пота на обработку, стал считать землю своей полной собственностью.

На правах собственности земля передавалась детям по наследству. Дети вели хозяйство сначала нераздельно, сообща, а затем по мере нарастания семьи и потери близких родственных связей переделались сперва поля, потом луга, сенокосы, а нередко—даже выгоны, леса и угодья. Впрочем, раздел, повидимому, благодаря родству, не был сразу окончательным, временами земли переделались вновь соответственно с изменениями в отдельных семьях. Но в силу прав личной собственности на землю и первоначальную родственную среду скоро стали вливаться и чужеродцы, потому что каждый мог продать свой участок или отдать монастырю, как вклад на помин души. Новые владельцы участков входили равноправными членами в прежний родственный союз и в случае переделов принимали в них одинаковое участие. А когда современные родственные связи окончательно распались, возникшие поселения продолжали носить характер складнических союзов. Так возникло к XIII—XV в.в. в центре и на севере Руси *складническое или сябринное землевладение*, основанное уже на праве личной земельной собственности. Однако, русскому крестьянину-хлебопашцу не суждено было долго оставаться собственником земли. Еще не успела окончательно закрепиться мысль о земельной собствен-

ности в народе, как появились причины, резко изменившие положение дела.

Причины эти заключались в широком развитии княжеского, боярского и монастырского землевладения и в распространении так называемой поместной системы.

II.

Перейдя вместе с волной переселенцев из благодатного юга на суровый север, князья перенесли туда и свои привычки, свои старые хозяйственные навыки. Если на юге князья издавна старались собрать возможно больше богатства, устраивая свои „места и села“, т. е. захватывая земли для обработки, то с переходом на север они должны были заботиться об этом гораздо больше. На севере они лишились существенного дохода, какой имели в южной Руси,—торговли с Византией. Теперь княжеское благосостояние стало зависеть исключительно от сельскохозяйственных продуктов. Подобно тому, как сам народ, оседавший на новых местах, искал с течением времени средств к существованию главным образом в земледелии, так и князья Владимиро-Суздальской, а затем и Московской земли все силы кладут на то, чтобы увеличить свои *вотчины*, доставшиеся от отцов *уделы* приобретением или захватом новых угодий, новых сел и деревень. Из уламыш вятичей, защищавших когда-то со своими „дружинами хоробрыми“ Киевскую Русь от набегов степных кочевников, князья превращаются в удельное время в жадных скопидомов, думающих о том, как бы расширить свое хозяйство, не брезгуя ничем: ни лишней деревенькой, ни новой пубкой, ни лишним золотым поясом или новым стадом скота и лошадей.

Увеличившийся приток населения много помогал князьям в их заботах устроить свои вотчины. На их глазах вырастали новые деревни, села, даже города; на их глазах непроходимые лесные дебри превращались в поля, в возделанные пажити. Земля строилась, и нет ничего удивительного, что князь считал это строительство делом своих рук. Да кроме того оно и на самом деле протекало иногда не без его прямого участия: князь нередко помогал человеку служилому, своему дружиннику, приобрести вотчину, земельное владение, нередко ссужал и крестьян-новоселов необходимыми орудиями для обработки лесного участка или семенами для посева. Мысль, предполагавшая, что все, сделанное в моем уделе,—мое, вполне понятна. И князья скоро привыкают к тому, что все земли в уделе и все, что там есть,—села, деревни и города,—их неотъемлемая собственность, их вотчина. Такое представление выросло и окрепло, конечно, не сразу, а постепенно, но зато прочно. Впоследствии сами крестьяне перестают считать свои земли своей частной собственностью: „Та земля,—говорят они,—Божья да государова, а роспаш и ржи наши“, „Та земля великого князя, а моего владения“.

Но это представление только слабо мелькало в умах тогдашних людей, не затрагивая повседневных житейских отношений; оно не мешало сябину, владельцу надела передавать, даже просто продавать этот надел, поступать с ним как с собственностью. На ряду с этим шло и действительное обезземеление крестьянства.

За князем в его строительстве своего удела-вотчины тянулся и служилый класс, окружавший князя, и прежде всего—боярство. Еще раз приходится вспомнить, что земля в Удельное время, пожалуй, еще больше, чем в южной Руси, была главным богатством, основным капиталом, приносящим доход. Только она давала возможность нести „службу государеву“, снабжая служилого человека всем необходимым, а чем ближе стоял слуга к государю, источнику щедрот, тем богаче он был. Быть богатым, значило—иметь много земли, и боярство быстро шагает в этом направлении, приобретая земли различными способами. Передко случалось, что владелец небольшого земельного участка, поставленный обстоятельствами в безвыходное положение, сам отдавался под покровительство сильного человека, становился, как говорили тогда,—его „закладнем“. Закладень не только лично поступал на службу к своему покровителю, а отдавал ему и свою землю как бы в верховное владение, в действительности продолжая кормиться с нея. Делалось это для того, чтобы избавиться от податных тягот, заменить их по возможности личной службой у покровителя. Впрочем, закладничество было распространено, повидимому, главным образом в областях Великого Новгорода, а не повсеместно.

В гораздо большей степени развито было повсюду другое явление, давшее в руки князей и бояр обширные земельные владения. Заключалось оно в самом характере земледелия. Землепашцу явившемуся в малоудобные места северной Руси, надо было иметь значительные средства для обзаведения хозяйством. Необходимо свалить лес и выжечь его, вспахать и переборонить поле, засеять, а затем снять хлеб и смолоть зерно. При переложном способе хлебопашества обычно случалось, что первый обработанный и затем брошенный в перелог участок покрывался молодым лесом и кустарником к тому времени, когда до него доходила очередь обработки. Таким образом, весь труд приходилось начинать сначала, непрерывно палить лес, корчевать и т. д. Все это представляло сложное дело, предполагавшее наличность земледельческих орудий. У крестьянина их нехватало, точно так же, как не доставало подчас и семян для посева. Приходилось искать помощи на стороне, прежде всего, конечно, у богатого князя или боярина, отказываясь от собственности на землю в их пользу. И если с переселением на север здесь происходило „окняжение“ земли, то вместе с ним росло и ее „обоярение“. Но довольно скоро к этим двум крупным землевладельцам прибавляется еще один: монастыри.

По мере заселения земель между Окой и Волгой и остального севера Руси здесь появляется много монашеских обителей, количество

которых непомерно растет с каждым столетием. Еще в XI веке на севере упоминается всего 4 монастыря, но затем число их увеличивает-ся до нескольких сотен. За три столетия (XIV, XV и XVI) в Москов-ской Руси, например, было выстроено 254 новых монастыря. Все они первоначально придерживаются строгого, действительно монашеского жития, особенно те, что были основаны пустынниками среди лесов и болот, но затем очень скоро приобретают мирской характер. Монасты-ри пригородные или городские в большинстве случаев наполнялись людьми, искавшими на старость лет душу спасти, найти мирную, ти-хую, безпечальную жизнь вдали от мирских забот. „С молоду было много бито, граблено, пора и душу спасти“. С такой мыслью поступали в монастыри. Понятно, такая братия не была расположена к строгим монастырским правилам, но за то она несла с собой богатство, обычно отписывая и завещая обители все свое имущество, деревни и угодья.

Монастырям пустынножительным приходили на помощь в хозяй-стве князья, отводя им леса, пашен, лугов, озер и всяких угодий на все четыре стороны от обители по 3 и больше версты в длину. Но главный способ обогащения монастырей землями покоился на древне-русском обычае устройства своей души за гробом. У каждого человека было желание оставить после смерти поминальщиков, чтобы с помощью чу-жой молитвы войти в царство небесное. Молитва, по возможности, должна быть длительной или вечной, что в полной мере могли выпол-нить только монастыри, как учреждения постоянные, не умирающие. Была выработана долголетней практикой особая такса поминовений по „сенанику“ (синодику), и, смотря по количеству вклада, поминали по сенаникам „налойному, алтарному, сельному с сельники“ и т. д. Бо-гатые люди, разумеется, делали и соответствующие вклады. И если какой-нибудь Омельян Наумов сын Полежаева с Мезени вкладывал „лошадь рыжу, звезда во лбу над задним копытом над правым вокруг шерсть до щетки бела, да и копыто правое заднее белож, а грива у лошади на обе стороны, а лошадь шестым летом, а дана за рубль“, то люди состоятельные отлают деревни с угодьями и выгоны, и сено-косы. Кроме вкладов поминальных были еще вклады на пострижение. Редкий князь или боярин и вообще богатый человек не постригался в монахи перед смертью. Монастырю платили за пострижение иногда очень дорого (до 12-ти тысяч на наши деньги), с тем, чтобы после смерти владчика, вклад превращался в поминальный.

Таким путем в руках монастырей сосредоточилась огромная зем-ли, пользовавшаяся не в пример прочим большими льготами. Богобо-язненные князья часто слагали оброк с монастырских вотчин, прика-зывали с крестьян, живущих на монастырских землях, „податей не имати“. Последнее обстоятельство особенно привлекало крестьян к оби-тели, способствуя увеличению ее земельных богатств.

Таким образом вольный хлебопашец довольно быстро превратился из землевладельца просто в вольного крестьянина, сидевшего на чужой

земле княжеской, служилой, боярской или монастыре, с правом перехода от одного владельца к другому.

III.

С половины XIV века, северная Русь начинает собираться вокруг нового, совсем еще молодого и незначительного городка Москвы, постепенно вырастая сначала в великое княжество, а потом в царство Московское. За это время Московская Русь все ближе и ближе подходит своими границами к южной степи. Период объединения Московской Руси совпадает и с временем постоянной борьбы, непрерывной войны со степными хищниками. Такая непрестанная борьба вынуждала держать многочисленных защитников южных границ, требовала значительного числа вооруженных людей. А для этого были нужны большие средства. У Московского государства или, вернее, у московского государя вотчинника и хозяина, не было никаких богатств, никаких средств, кроме земли, или совершенно пустой, или населенной крестьянами. Ее то и пришлось использовать, раздавая служилым ратным людям в качестве вознаграждения за их службу. Раздать, конечно, не навсегда, а во временное условное пользование до тех пор, пока служилый человек нес свою службу.

У московских князей в этом отношении существовал уже опыт, приобретенный еще в удельное время, выросший благодаря способу управления обширными дворцовыми, т. е. личными княжескими имениями. Когда денег нет, или их очень мало, когда продуктов земледельческого труда нельзя превратить, как теперь, в деньги по той простой причине, что продавать хлеба некому, при господстве народного хозяйства, которое принято называть *натуральным*, князьям не на что было нанять управляющих для присмотра за своими имениями. Княжеские приказчики, по тогдашнему—тиуны, иногда люди свободные, а большею частью холопы, получали от своего господина в его дворцовых имениях земли во временное владение. Они кормились сами с этих земель в награду за службу, отдавая князю-хозяину часть земледельческих продуктов. Это были как бы третьи лица, посредники между хозяином-землевладельцем и сидевшими на земле крестьянами. Таким способом управления князья достигали существенных выгод: не затрачивая никакого капитала, они извлекали из земель определенный постоянный доход. Тут же наметился и двойной характер платежей, какие пришлось нести крестьянскому населению: *подать* князю, как государю и владельцу земли, и *оброк*, выплачиваемый государеву приказнику, как вознаграждение за его службу.

В Московском государстве способ холопией службы „по ключу по сельскому“ распространился на службу вообще, на весь служилый класс. В удельное время вольные слуги государевы вознаграждались *нормами* и *доводами*, теми доходными статьями, какие они получали, будучи как бы наместниками князей в управлении городами и местно-

стями, более или менее удаленными от княжеского центра, где они чинили суд и расправу именем князя. Порядок вознаграждения кормами и доводами мог существовать только при небольшом числе княжих слуг. В Московском государстве не хватило бы никаких кормов, чтобы оплатить всю ту массу служилых людей, какая нужна была для обороны границы. Служилые люди, подобно дворовым слугам князя, стали получать теперь участки земли, *поместья*, временно, условно владеть ими *по месту* службы. Служба была разная, в зависимости от удаленности от Москвы, как государственного центра, а потому и служилые люди, *дворяне*, разделялись на различные чины или разряды, получали сообразно с важностью службы и соответствующий земельный участок. Впоследствии законом (в 1555 г.) было определено, чтобы с каждых 150 десятин доброй пахатной земли являлся один ратник „на коне и в доспехе полным, а в случае дальнего похода—с двумя конями.

Поместная система была так тесно связана с натуральным хозяйством, что в сравнительно короткий срок распространилась на всех вольных слуг государевых, т. е. и таких, которые и сами владели встчинами, землями, не связанными с княжеской службой. Распространилась мысль, что всякая земля вольного слуги должна, так сказать, нести служилую повинность, и таким образом вотчина была приравнена в служилом отношении к поместью, хотя продолжала числиться частной собственностью владельца. Распространилась поместная система и на монастыри, где земли точно так же стали раздавать служилым людям во временное служилое владение.

Для раздачи участков *помещикам* князя сначала пользовались своими дворцовыми личными землями, а когда их не стало хватать, начали раздавать и земли „черные“, т. е. государственные населенные „вольными тяглецами“ крестьянами. К концу XVI в. почти все сколько-нибудь удобные земли розданы уже в поместное владение, несмотря на то, что, количество их увеличилось расширением границ Московского государства с завоеванием татарских царств (Казани и Астрахани). В Тульском уезде, напр., почти вся пашенная земля к этому времени находится в поместном владении (92%). Земли для раздачи, очевидно, нехватало, и к концу XVI в. Московское правительство заботится уже о том, чтобы не допустить служилую землю перейти в руки, *свободная от службы, главным образом в монастыри*, „где вотчин много“. Отсюда запрещение делать в монастыри земельные вклады.

Характер ратной службы помещиков требовал, чтобы в поместье давались участки, во-первых, удобные для земледелия, „угодие“, как тогда говорили; во-вторых, „живущие“, т. е. достаточно населенные крестьянами, которые и обрабатывали бы землю, пока помещик нес „службу государеву“ на поле ратном. Земли, отвечающие этим двум условиям в центре были давно заняты. Оставалось раздавать участки в южной пристенной полосе с прекрасной, нетронутой черноземной землей, но за то совсем пустынные.

Служилому городовому дворянину некогда было заниматься сельским хозяйством, оберегая границы государства, речные броды (перелазы) и обѣзжая свои „урочища“, местность, порученную его наблюдению. Незаселенное поместье вряд ли принесло бы какую пользу такому раз'езжающему по степи помещику, если бы к нему не пришел на помощь усиленный прилив на юг крестьянского населения, привлекаемого сюда девственным черноземом и широким степным привольем.

В XVI столетии из центральных областей Московского государства снова хлынул поток переселенцев, стремящихся главным образом на юг в отвоеванные у татар степи. Очевидно, условия жизни в центре не были хорошими, если не смогли удержать населения на местах. Главной причиной, заставившей крестьянское население уходить из населенных областей центра, надо считать широкое распространение поместной системы. В самом деле, имения, пожалованные государем за службу, не могли заставить помещика вплотную заинтересоваться ведением хозяйства. Поместья находились в условном владении: во всякое время государь мог уменьшить их или даже отнять совсем, заменить другим и т. д. При таком положении у помещика не было особенной охоты заводить на своих участках, временных и случайных, никаких улучшений. Служилый человек не прилагал никаких забот к земле. Наоборот, помещики истощают землю, пахут ее „наездом“ без всякого порядка, грабят крестьян, сами не живут в имениях, сдавая их в аренду, лишь бы только поскорее и без хлопот извлечь как можно больше пользы. Такое хозяйство не могло не отразиться и на крестьянах, ставших с развитием поместной системы в зависимость от помещиков.

Какой-нибудь крестьянин снимал поместье на оброк, арендовал его и сейчас же деятельно принимался за труд, чтобы привести в порядок обычно запущенную землю. Вырубал лес, выжигал, готовил пашню под озимь.

И вот в разгар работы крестьянина оказывалось, что прежний владелец поместья потерял уже на него право, а новый не обращал никакого внимания на арендатора, забирал скошенное им сено, свозил к себе его хлеб, — словом, разорял в конец. Такие картины не были единичным явлением в тогдашней Руси. Разоренному арендатору крестьянину не оставалось ничего другого, как прибегнуть к суду у нового владельца или перейти к другому, чтобы, заняв у него инвентарь и семена, какнибудь наладить разоренное хозяйство.

У монастырей, имевших большие льготы, где деревни часто освобождались от государева тягла, казалось бы крестьянину жить вольготней. Но это только кажется: ведь и в монастырском землевладении был распространен тот же способ раздачи земли во временное, обычно пожизненное пользование с обязательством служить монастырю. Значит, и здесь существовали те же причины упадка в земледелии, как и в поместном владении.

Нестроение в хозяйстве, обусловленное распространением поместной системы, и заставило крестьянство искать выхода в переходах от одного помещика к другому в поисках более льготных условий. Однако эти переходы не только не улучшили положения крестьян, а привели как-раз к противоположным результатам.

IV.

Крестьянство потеряло право собственности на землю еще при распространении княжеского, боярского и монастырского землевладения. Если и оставались еще кое-где, главным образом, на дальнем севере, складническия крестьянския общества, то они сохранились там благодаря отсутствию поместий на государевых черных землях. В остальной Руси хлебопашец сохранил за собой право свободного перехода с одной земли на другую. Пока он еще не был прикреплен ни к земле, ни тем более к личности землевладельца. Самый сельскохозяйственный уклад жизни выработал известные отношения между владельцем и крестьянином-арендатором: помещик не мог согнать крестьянина раньше определенного срока, но и крестьянин не мог уйти в любое время. Срок установлен судебником Ивана III и падает на осенний Юрьев день (26-го ноября), приурочен к тому времени, когда уже все сельския работы закончены.

Отношения между сторонами обычно определялись той ссудой, какую крестьянин получал, садясь на землю к владельцу. Без такой ссуды хлебопашец вряд ли мог обойтись. Мы уже видели, что исключительное занятие земледелием требовало определенного капитала,—инвентаря, семян,—которого крестьянин часто не имел. Самые способы хлебопашества не оставались неизменными; если раньше можно было вести хозяйство способом перелога, то с ростом населения стал необходимым еще более усовершенствованный способ возделывания земли,—*паровой*,—причем треть пашни оставляется на год под пар, а две трети засеваются озимыми и яровыми хлебами. Трехпольное паровое хозяйство требует еще большого капитала. Становится обязательным держать скот, чтобы иметь возможность унавозить поле. Такое развитие сельского хозяйства принуждало крестьянина искать помощи у тех лиц, чью землю он обрабатывал.

Получая ссуду, крестьянин обычно заключал с владельцем определенное условие, писал *порядную грамоту*. Вот одна из них: „Се аз Иван Дмитриев сын прозвищем Мазай, волной человек, с своею женою и с детьми, порядился есми во крестьяне за Ивана Савиновича Нелова в его Вологодское поместье . . . в деревню Покровское и мне Ивашку за ним государем своим Иваном Савиновичем жить в том его поместье во крестьянах и живучи двор строить и вново хоромы ставить и государевы подати и его оброки во вся годы платить и изделия делать и пашни пахать и луги розчищать и изгороди около поль (полей) городить и тое земли запереложить и впусте не покинуть и из-за

него Ивана Савиновича ни за кого вон не вытти и не заложиться и не сбежать. А ссуды есми я Иван взял... лошадь да корову и хлеба ржи и овса и ячмени и всякой дворовой житейскве посуды, всего на двенадцать рублей“.

Садысь на землю, всякий вольный человек брал на себя, как видно из порядных грамот, двояное обязательство: 1) государственное и 2) частное. Первое заключалось в том, что всякая земля (обрабатываемая) несла поземельное тягло, состоявшее в определенной государственной подати, и всякий, кто бы ни владел ею, должен был платить государево тягло; второе обуславливалось арендой земли у владельца и взятой ссудой. Арендной платой являлся оброк помещику, а за ссуду крестьянин обязывался „изделье делать“, т. е. ходить на барщину, обрабатывать барскую пашню.

Крестьянин, возвративший ссуду помещику, становился свободным от всяких обязательств, только вряд ли на практике он мог когда-нибудь от них избавиться. Во-первых крестьянину, отягченному платежом подати и оброка, принужденному работать на барщине, трудно было вернуть ссуду; во вторых, при отходе крестьянин должен был платить еще и пожилое, т. е. деньги за пользование дворовыми постройками (в лесных местах 14 коп. за год; на наши деньги до войны 6 рублей 30 коп., а на „керенки“—около 200 руб.) и пошлыны. В общем получались крупные платежи, каких крестьянин выплатить не мог.

Для осуществления права свободного перехода у крестьянина оставалось три способа: побег, своз и сдача (замещение себя другим лицом, принимавшим все обязательства уходившего). Распространены были первые два, особенно с того времени, когда поместная система так вредно отозвалась на сельском хозяйстве. Бежали на восток и юг, туда, где беглецов трудно было сыскать. На востоке в Прикамье спасались в дремучих лесах, приставая к пустынно-жителям монахам, нередко таким же беглым крестьянам, как сами. На юге становились казаками или снова рядились в крестьяне, к степным помещикам, заинтересованным в рабочих руках. В последнем случае беглецы вряд ли улучшали свое положение потому, что являлись без всяких средств, с голыми руками, принуждены были брать у помещиков значительные ссуды, а, следовательно, снова становились неоплатными должниками.

Впрочем, степные помещики не довольствовались беглецами, а пользовались и законным способом заселения своих поместий, свозя с насиженных гнезд, главным образом, младших членов крестьянских семей, людей, по тогдашнему выражению, „неписменных“, т. е. не занесенных в тягловые, податные списки. Слухи о привольных черноземных землях Приволжья и южных степей манили крестьян покинуть родные края и зажить без нужды на черноземной нови с помощью новых ссуд и льгот.

И вот в поземельных списках XVI века начинают часто встречаться пометки: „свезен“, „выбежал“, „сбег безвестно“, „сшел“, „ски-

тается". Это все отливало из центра население на новые места. Скоро в старой Московской области выросла опасность остаться совсем без „живущих“ с одними „пустошами“, без крестьян с пустопорожними землями. Помещики всеми силами старались задержать этот отлив новыми усиленными ссудами, льготами и неустойками. Мелкопоместным задержать выход из своих земель не удавалось, потому что крупные, богатые землевладельцы широко пользовались крестьянским правом ухода на Юрьев день. Не задолго до Юрия осеннего деревни и села превращались в склошной базар, ярмарку, где подчас разыгрывались сцены насилий и беспорядков. Приказчики и слуги богатых бар об'езжали деревни мелкопоместных, заглядывали в села черных казенных крестьян и, где можно, санивали, а где нужно, платили за крестьян ссуду и пожилое и увозили с собой.

Погоня за „живущими“ еще больше распатывала хозяйство в центре государства. Казенные крестьяне, где они еще, остались, теряли своих тяглецов и сами становились неисправными плательщиками, а земли мелких помещиков совсем оставались без крестьян, и хозяйства хирели, не давая возможности нести владельцу ратную службу.

Если принять еще во внимание, что и земельные оклады не всегда доходили до нормы в 150 десятин, станет понятным, почему в книгах или списках уездных служилых людей (десятиях) в XVI веке встречаются такие заметки: „худ (плохо вооружен), от службы отбыл, на службу ходит пеш“, „обнищал, волочится меж двор“, „живет во крестьянех“, или „мужик, жил у Фролова в деорниках, портной мастершко, босре осматривали и приговорили из службы выкинуть вон“.

Такое положение вещей вызвало попытки как-нибудь наладить дело. Государство рядом указов запрещает крупным владельцам и монастырям вывозить чьих бы то ни было крестьян, а своих, живущих на казенных землях, приказывает никуда не выпускать. С течением времени сами помещики нашли выход из создававшегося положения. Из приведенной порядной записи, относящейся уже к XVII веку, видно, что, крестьянин сам отказывается от своего права когда-либо уйти от помещика: „Ни за кого вон не выйти и не заложиться“. Внося это условие, Иван Мазай, „волной человек“, и себя, и свою семью фактически прикрепил к личности помещика.

Так намечался путь, приведший к полному закреплению крестьянства.

V.

Силой обстоятельств крестьяне лишились права свободного перехода, признанного за ними законом, сами отказываясь от него под влиянием нужды.

Благодаря этому отказу крестьянство приблизилось по своему положению к классу несвободных людей, так-называемых *кабалных холопов*, перешедших в рабство из свободного состоянія за долги.

Кабальное холопство особенно развилось в XVI веке, вероятно по тем же причинам, какие вообще нарушили правильное развитие хозяйства и способствовали обеднению населения. В кабалу идут люди с сомнительным прошлым, заставляющим предполагать, что они или беглые холопы, или беглые крестьяне. Один был раньше в „казаках“, другой „ходил по монастырям“, третий был в „дьячках“. Все они поступали в кабальные холопы, вероятно, потому, что это была самая легкая зависимость от господина. Первоначально кабальные люди даже не считались холопами; занимая денежную сумму у кого-либо, они обязывались только служить во дворе кредитора, работать до уплаты долга. И лишь указом 1597 года были сравнены с холопами, так как им запрещалось уплачивать долг при жизни господина, зато после его смерти они получали свободу. Кабальные часто не в состоянии были уплатить своего долга, сами просились в полное холопство или становились полными холопами в силу обстоятельств, не имея возможности уплатить не только кредитору, но и его детям. Переданные по завещанию кабальные в глазах наследников окончательно превращались в полных холопов. Закон, устанавливая пожизненную кабалу, лишил возможности закрепить кабальных навсегда.

В положении крестьянина, как и в зависимости кабального холопа от господина, очень много общего. И тот, и другой служат за долг. Только крестьянин ходит на барщину в поле, а кабальный работает на дворе. Скоро и эта незначительная разница сглаживается.

Нужда в рабочих руках, их отсутствие заставило помещиков широко применить холопский труд для барской запашки. Они сажают своих дворовых людей на землю, дают им так же, как и крестьянам, ссуду, заключают даже особый договор, так-называемую *ссудную запись*. Появляется особый класс *задворных людей*, особые сельские холопы, названные задворными, потому что селились за двором помещика. Задворные люди большею частью набирались из кабальных холопов и во многих отношениях начинают походить по закону на свободных. Полные холопы не отвечали за свои преступления, отвечал за них господин. Задворные люди исключены из этого правила: ответственность за их проступки возложена на них самих.

Так на практике все больше и больше сглаживалась черта, разделяющая крестьянина от холопа. Последнего теперь „сажают в крестьяне“, — выражение совершенно непонятное с точки зрения прежних крестьянских прав свободного перехода, практически утерянных. В крестьянских порядных грамотах XVII столетия все чаще и чаще делаются приписки: „За государем моим жить во крестьянех по своей живот безвыходно“.

Некоторые порядные грамоты поражают своим сходством с кабальными служилыми записями. Там говорится, что крестьяне обязуются жить за своими господами по их господскую смерть, „а когда их, господ, судом Божиим в животе не станет вольно им, крестьянам, прочь отойти, куда хотят“.

Московская разбруха, всколыхнувшая в начале XVII века все государство, не только не изменила положения крестьян, а, наоборот, закрепила, точнее определила создавшееся уже раньше положение. Смута закончилась в общем победой среднего служилого класса, среднего дворянства, что не замедлило сказаться в его положении. После смуты служилым людям было дано много земель на вотчинном праве, т. е. в их полную собственность; вообще количество поместий начинает сокращаться; за их счет растут вотчины.

В угоду дворянству правительство новых московских царей сделало много уступок и в крестьянских делах, установив, между прочим, право помещика искать беглых крестьян „без урочных лет“, т. е. отменив всякие сроки давности. Вообще только теперь государственные акты находят и слово, определяющее созданное жизнью положение крестьян: „Как крестьян и бобылей дворы их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети, и братья, и племянники будут крепки и без урочных лет“. С помощью этой переписи государственная власть закрепляла крестьян в двух отношениях: 1) к месту жительства, к земле, и 2) к лицу, за которым отныне его записывала писцовая книга.

Более или менее окончательно крепостное право установлено Уложением царя Алексея Михайловича в 1649 году. Однако в народе долго еще держался взгляд, что право это—временное. Еще при Петре Великом крестьянин Посошков, автор книги „О скудости и богатстве“ считал крепостное состояние крестьян временным.

Однако это „временное состояние“ продолжалось более 200 лет, приняв самые дикие, нелепые формы рабовладения.

А когда в 1861 году царское правительство решило, наконец, освободить мужика, боясь, чтобы он сам не стал добывать себе землю и волю, оказалось, что крестьянство за большой выкуп от помещиков воли не получило, а земли досталось ему столько, что и „курицы выпустить некуда“.

Только октябрьская революция вполне освободила крестьянина и вернула землю тем, кто сам, чьи деды и прадеды изстари обрабатывали ее, поливали своим потом только для того, чтобы отдать плоды трудов бездельникам и туземцам. Революция смела этих бездельников навсегда, и только теперь крестьянин может свободно пользоваться плодами своей работы.